

СЛОВСОЛЖЕНЕ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ЕКАТЕРИНА ФОДОР

Словосложение изучено неравномерно в пределах каждого из восточнославянских языков. Наибольшее количество исследований посвящено русскому словосложению¹; имеется ряд работ по украинскому² и почти не изучено словосложение в белорусском языке³.

В большей части работ сложные слова рассматриваются со стороны их структуры. Различно трактуется природа этого словообразователь-

¹ Г. О. ВИНЮКУР, *О некоторых явлениях словообразования в технической терминологии*, Труды МИФЛИ, т. V, 1939; С. И. АБАКУМОВ, *О сложных словах в русском языке*, РЯШ, № 3—4, 1946; М. Я. НЕМИРОВСКИЙ, *Сложные слова в русском языке*, РЯШ, № 3—4, 1946; А. Н. КОЖИН, *Словосложение в русском языке*, РЯШ, № 5, 1953; В. И. ПОНОМАРЕВ, *К истории сложных слов в русском языке*, Ди СИА, т. IV, 1953; Б. М. ЯЦИМИРСКИЙ, *Развитие способов словосложения в русском языке, советской эпохи*, «Ученые записки Ивановского пед. ин-та», т. IV, 1954; И. Г. ГАЛЕНКО, *Из наблюдений над удвоением корней, основ и слов в русском языке*, «Вопросы языкознания», кн. 1, Львов, 1955; его же, *К вопросу о синонимике в словосложении*, «Доповіді та повідомлення Львів. держ. універс.», вип. VI, ч. I, Львів, 1955; В. И. ГРИГОРЬЕВ, *О границах между словосложением и аффиксацией*, ВЯ, № 4, 1956; М. И. ПРИВАЛОВА, *К определению понятия сложного слова в русском языке*, ВЛУ, № 8, 1956; Р. И. ЛЕВИНА, *Словосложение в категории имен прилагательных*, РЯШ, № 1, 1957, и др.

² Н. С. РОДЗЕВИЧ, *Про будову складних слів у сучасній українській мові*, «Українська мова в школі» № 6, 1952; М. И. ДОЛЕНКО, *Складні прикметники в сучасній українській літературній мові*, «Українська мова в школі», № 1, 1956; Л. Л. ГУМЕЦЬКА, *Нарис словотвірної системи української актової мови XIV—XV ст.*, Київ, 1958.

³ См. И. К. БЕЛОДЕД, В. И. БОРКОВСКИЙ, Н. И. ГОРЕЦКИЙ, *Изучение украинского и белорусского языков*, Москва, 1958; М. Р. СУДНІК, *Наукова распрацяка пытанняў беларускага мовазнаўства у савецк. перыяд* «Праці Інстытута мовазнаўства АН БССР», вып. VI, Мінск, 1959; М. А. ЖЫДОВИЧ, Я. М. РОМАНОВІЧ, А. К. ЮРЭВІЧ, *Бібліяграфічны указальнік літаратуры па беларускому мовазнаўству*, Мінск, 1960; А. ЖУРАВСКИЙ, *Научное изучение белорусского языка в БССР в послевоенное время*, «Slavia» т. XXX, вып. 3, 1961.

ного способа. Например, русское словосложение одними исследователями определяется как синтаксико-морфологический способ¹, другими — как морфологический². Отношения, свойственные частям сложного слова, иногда приравниваются к отношениям, характерным для словосочетания³.

Не уделено должного внимания словосложению и в новейших трудах по сравнительной грамматике восточнославянских языков⁴. Основную причину этого положения, вероятно, следует искать в том, что по вопросу о месте словообразования в целом в системе языка отсутствует единство мнений⁵.

Специфика словообразования, как известно, состоит в «сложном и разнонаправленном взаимодействии лексических и грамматических категорий»⁶. Как источник образования новых слов словообразование связано непосредственно со словарем, а со стороны словообразовательных средств — с грамматикой. Отнесение словообразования и к лексикологии, и к морфологии, таким образом, логически оправдано. Практическое же решение вопроса в таком случае должно быть двухплановым: рассмотрение словообразования со стороны словообразовательных средств в рамках морфологии, а со стороны создания новых слов — в рамках лексикологии. Это в свою очередь приводит к нарушению единства в словообразовательной системе. Поэтому целесообразнее выделить словообразование со всеми его разновидностями в особый раздел науки о языке. Словообразовательные способы таким образом станут как единая система, внутри которой существуют определенные связи. В частности, словосложение как один из своеобразных способов образования новых слов осложняется аффиксами, подчиняясь, в известной мере, законам аффиксального словообразования (ср. *железнодорожный* — *железнодорожник* и т. д.). И, наоборот, составные части сложного слова могут сближаться в функциональном отношении с аффиксами (*языковед*, *пчеловод*, *садовод* и др.).

¹ В. В. ВИНОГРАДОВ, *Вопросы современного русского словообразования*, РЯШ, № 2, 1951; его же, *Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии*, Вопросы теории и истории языка, Москва, 1952 и др.

² Е. М. ГАЛКИНА-ФЕДОРУК, К. В. ГОРШКОВА, Н. М. ШАНСКИЙ, *Современный русский язык*, ч. I, Москва, 1962.

³ А. Н. КОЖИН, *Словосложение в русском языке*, РЯШ, № 5, 1953; М. И. ПРИВАЛОВА, *К определению понятия сложного слова в русском языке*, ВЛУ, № 8, 1956.

⁴ Так, например, в *Очерках по сравнительной грамматике восточнославянских языков* (Одесса, 1958) словосложение представлено предельно сжато. Совершенно не касается данного вопроса и словообразования в целом Т. П. Ломтев, автор *Сравнительно-исторической грамматики восточнославянских языков* (Москва, 1961).

⁵ Н. М. Шанский подключает словообразование к лексикологии (см. *Очерки по русскому словообразованию и лексикологии*, М., 1959). Ср. также К. А. ЛЕВКОВСКАЯ, *Лексикология немецкого языка*, Москва, 1956; А. И. СМЕРНИЦКИЙ, *Лексикология английского языка*, Москва, 1956. В *Грамматике русского языка*, т. I, АН СССР, м., 1952, аффиксальное словообразование включено в раздел морфологии. Т. П. ЛОМТЕВ в своей книге *Белорусский язык* (Москва, 1951) анализирует лишь суффиксальное словообразование в рамках каждой части речи и т. д.

⁶ В. В. ВИНОГРАДОВ, *Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка*, Сб. «Вопросы языкознания», М., 1952, стр. 180.

Хотя в области восточнославянского словообразования собран интересный фактический материал, его изучение в сравнительно-историческом плане находится в начальной стадии. Существующие работы пока не дают четкого представления о его специфике ни в структурно-генетическом, ни семантическом плане. Как отмечалось выше, наблюдения проводились в рамках одного языка. Лишь попутно затрагивается этот вопрос в исследованиях, посвященных славянскому словообразованию в целом¹.

Не ставит перед собой столь широкой задачи и автор настоящей работы. Объектом изучения выбран лишь один из словообразовательных способов в восточнославянских языках — словосложение, которое исследовано в меньшей степени, чем другие, и в то же время обладает рядом особенностей в плане структурно-генетическом и семантическом.

Как один из древнейших словообразовательных способов в славянских языках, словосложение характеризуется разной степенью продуктивности в пределах каждого из них. Например, в чешском языке оно малопродуктивно², в восточнославянских языках с древнейших времен это — один из продуктивнейших способов³. По мнению А. Мейе⁴, почти все сложные слова в славянских языках исторической поры представляют искусственные образования, созданные по иностранным образцам. Эта точка зрения разделяется и некоторыми современными языковедами⁵.

Нельзя отрицать тот факт, что в ранних переводах религиозной литературы с греческого на славянский терминологическая и абстрактная лексика передавалась, как правило, сложными словами, которые являлись словообразовательными кальками с греческих сложных слов. Например, в *Материалах к древнерусскому словарю* И. И. Срезневского зарегистрировано более 200 сложных слов с компонентом *благо*, который соотносят с греческим *εὖ* (см. А. Г. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, Москва, 1910—1914, Москва, 1958; М. Vasmer, *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, B. I — III, 1953 — 1958).

Как показывает структурный анализ сложных слов-калек, при передаче греческих слов на старославянский и древнерусский использова-

¹ См. И. И. КОВАЛИК, *Питання порівняльного вивчення словотвору слов'янських мов*, «Доповіді та повідомлення Львівського держ. Універ.», вып. IV, часть I, Харьков, 1953; его же, *Словотворча категорія назв конкретних предметів у східнослов'янських мовах в порівнянні з іншими слов'янськими мовами*, «Питання українського мовознавства», кн. 3, Львів; его же, *Вчення про словотвір*, Львів, 1958; его же, *Слов'янські словотвіри*, Київ, 1958; М. Я. НЕМИРОВСКИЙ, *Народные истоки словосложения в славянских языках*, «Вопросы славянского языкознания», кн. 4, Львов, 1955.

² См. М. DOKULIL, *Tvoření slov v češtině*, Praha, 1962.

³ Б. М. ЯЦИМИРСКИЙ, *Развитие способов словосложения в русском языке советской эпохи*; А. Н. КОЖИН, *Словосложение в русском языке*; Н. С. РОДЗЕВИЧ, *Про будову складних слів у сучасній українській мові*.

⁴ А. МЕЙЕ, *Общеславянский язык*, Москва, 1951, стр. 300.

⁵ А. В. ДАНЕВИЧ, *Некоторые особенности словообразования в языке русских повестей второй половины XVIII века*, Киев, 1958.

лись различные приемы. Нередко переводчики свободно обращались с оригиналом, изменяя компоненты сложения или превращая их в самостоятельные слова; наибольшим изменениям были подвергнуты сложные образования с первой частью *много-, мало-, бедно- неудобь-* и др.¹ Средствами древнерусского языка передавались тончайшие смысловые оттенки греческого оригинала, что свидетельствует о высоком уровне развития и богатстве древнерусского языка, о том, что калькирование было возможно постольку, поскольку существовала славянская, в нашем случае восточнославянская, словообразовательная модель. В пользу этого свидетельствует факт наличия сложных слов в восточнославянской ономастике и топонимике, отраженной в древних памятниках письменности: СВЯТЪСЛАВИЧЪ, СВЯТОПОЛКЪ, ЯРОПОЛКЪ, РОГОВОЛОДЪ, МЪСТИСЛАВЪ, ВСЕВОЛОДЪ, ВЛАДИМИРЪ, СУДИВОЙ, ПУСТОМЫТЬ, НОВЪГОРОДЪ, БЪЛГОРОДЪ, ВЫШЕГОРОДЪ, КНЯЖОЛУКИ, ЖИТОМИРЪ, НОВОСЕЛЬЦЬ, МЕЖИРЪЧЬЕ и др. Среди древнейших личных имен встречается немало сложных образований со вторым элементом *-боръ, -богъ, -володъ, -гость, -гневъ, -жиръ, -милъ, -мысль, -полкъ, -светъ, -славъ* и др.² Судьба сложных слов-калек складывается различно: одни из них³ остаются в рамках переведенного произведения, другие входят в словарный состав древнерусского языка.

С генетической точки зрения словосложение в индоевропейских языках и в славянских в частности соотносится со словосочетанием⁴, которое постепенно переходило в сложное слово, теряя свои некоторые грамматические и семантические признаки: сложное слово представляло более тесное единство, чем словосочетание; сумма значений слов в словосочетании не равнялась значению сложного слова. Связь сложного слова со словосочетанием удерживается вплоть до наших дней. Любопытный материал дает сравнительное изучение толкования сложных слов в древних и современных словарях восточнославянских языков.

¹ В. И. ПОНОМАРЕВ, *К истории сложных слов в русском языке*, Ди СИА, № 4, 1953; В. М. ИСТРИН, *Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе*, т. II, Ленинград, 1922, стр. 194.

² А. М. СЕЛИЩЕВ, *Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ*, «Ученые записки МГУ», вып. 28, кн. I, 1948.

³ Л. А. БУЛАХОВСКИЙ, *Курс русского литературного языка*, Киев, 1952.

⁴ См. К. BRUGMANN, *Über das Wesen der sog. Wortzusammensetzung*, Leipzig, 1900; V. JAGIĆ, *Die slavischen Nominal-Komposita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten*, «Arhiv für slav. Philologie», B. XX; И. Л. ЛОСЬ, *Сложные слова в польском языке*, С.-Петербург, 1901; B. DELBRÜCK, *Grundfragen der Sprachforschung*, Strassburg, 1901; H. PAUL, *Das Wesen der Wortzusammensetzung*, «Indogermanische Forschungen», B. IV, Strassburg, 1903; A. MEILLET et J. VENDRYES, *Traité de grammaire comparée des langues classiques*, Paris, 1927; E. DICKENMANN, *Untersuchungen über die Nominal-Komposition im Russischen*. Veröffentlichungen des Slavischen Instituts a.d. Universität Berlin, 1934; Л. В. ЩЕРБА, *Очередные проблемы языковедения*, ИАН ОЛЯ, кн. VI, вып. 5, 1945; Л. Л. ГУМЕЦЬКА, *Нарис словотворчої системи української актової мови XIV—XV ст.*, Київ, 1958; М. Д. СТЕПАНОВА, *Словообразование современного немецкого языка*, Москва, 1953 и др.

Памво Берында в своем *Лексиконе словеноросском и слов толкование* (1627) дает толкование целому ряду сложных слов словосочетанием, части которого являются компонентами сложного слова или синонимичны им: ЗЛОРѢЧІЕ — ЗЛОРѢЧЕНЬЕ; ЗЛОСЛАВЛЕНИЕ — ЗЛОЕ ОСЛАВЛЕНЬЕ; САМОМНѢНІЕ — СВОА ДУМА; ЗЛОПРАВНЫЙ — ЗЛОГО ОБЫЧАА; ЗЛОСЛУТІЕ — ЗЛАА СЛАВА; ЗЛОУМНЫ — ЗЛОГО РОЗСУДКУ; РОДОСЛОВИТИСА — ПРИЧИТАТИСА РОДУ и др.¹ Сравним толкование сложных слов с компонентом зло- в *Словаре русского языка* (М. 1960) С. И. Ожегова: злонамеренный — проникнутый злыми, вредным намерениями; злорадство — злобная радость при несчастье; злословие — злые, недоброжелательные слова; злоумышленный — совершенный по злему умыслу; злоупотребить — употребить во зло.

В процессе объединения словосочетания в сложное слово принимали участие и некоторые дополнительные грамматические средства, как: соединительные гласные, префиксы и суффиксы. В связи с этим термин синтаксико-морфологический в применении к данному словообразовательному способу следует считать наиболее удачным, отвечающим специфике грамматического явления, чем морфологический.

Сложное слово было более емким, выразительным и экономным, чем словосочетание. Этот фактор следует считать основным в процессе количественного роста сложных слов в древнерусской письменности, что в свою очередь обусловило и сферу их распространения. Наибольшее количество сложных слов приходится на произведения, авторы которых стремились к литературности, книжности в выражении мыслей.

Так, в новгородских берестяных грамотах, являющихся документами неофициального характера — деловыми и семейными письмами, — отражающих народную разговорную стихию, встречается одно сложное слово-топоним в форме местного падежа — НА ПУСТОПЪРЖИ². Это положение подтверждается и сравнительным анализом количественного состава сложных слов в *Повести временных лет* (по Лаврентьевской летописи 1377 г.) и *Слове о полку Игореве*, выдающемся памятнике древнерусской литературы с чертами народно-разговорной речи. В первом памятнике сложных слов намного больше, чем во втором; они характеризуются наибольшим разнообразием в структурном и семантическом отношении. В качестве составляющих элементов в них выступают различные части речи: имя существительное, прилагательное, числительное, глагол и др.: КО ЦАРЮГОРОДУ, ЛЬТОПИСАНЬЕ, ЛЮБОДЪЯТИ, БЛАГОЧЕСТЬЕ, ВРАЖДОЛЮБЬЦЬ, ПОЛУДЕНЬНАЯ СТРАНА, ПОЛУНОЩНЫЕ СТРАНЫ, САМОДЪРЖЬЦЬ и др.

Наиболее простым способом образования сложных слов в восточнославянских языках и, надо полагать, более древним является сращение: ср. БРАТУЧАДО, БРАТАЧАДА, БРАТЬСЕСТРА, БУРАЛОЖНИКЪ, БУРАПЫЛЬНИК, ДОМАЧАДИЦА, ДОМАЧАДЬЦЬ, ЗАКОНЪПОЛОЖЕНИЕ, ЗАКОНЪПРѢСТУПНЫИ, МЪЗЫДАВЬЦЬ, НОЧЬ-

¹ Здесь и далее по техническим причинам некоторые буквы в примерах будут представлены в современном написании.

² См. *Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот*, Москва, 1955, стр. 119.

ЛЕГЪ, ОБАПОЛЬ, ПЛАЧЪВОПЛЬСТВІЕ, ПОЛЪДЕНЬ, ЗЛУПОМИНАНИЕ, ЗЪЛУРАДИВЫИ, ИНЪРОГЪ, ЗЕМЛИМЪРИТЕЛЬ, ЗЕМЛИМЪРНИИ, ОБОЮДОУСТРЫИ и др. (см. *Материалы...* И. И. Срезневского)¹.

Сложное образование состоит из двух слов, первое из них могло выступать не только в форме именительного падежа, но и в форме косвенных падежей (последние образования почти целиком утрачены восточнославянскими языками). В структурно-семантическом плане сращение ближе словосочетанию, нежели словосложение: в первом случае в сложное целое объединяются полные словесные единицы, сохраняющие в рамках сложного образования синтаксические связи, характерные для словосочетания; во втором образование сложной единицы построено по принципу объединения не только слов, но и элементов слова и связано с дальнейшей абстрактизацией словообразовательного процесса. Словосложение характеризуется разнообразием словообразовательных моделей.

Модели $A+A^2$

теперь противостоят модели:

1) $A+S+A$	САМОСУДЬ: САМ-О-СУДЬ ³ ;
2) $A+A+C$	ОКОЛОГОРОДИЕ: ОКОЛО-ГОРОД-ИЕ; ХУДОУМ-ИЕ;
3) $A+S+A+C$	САМОЛОВЪКА: САМ-О-ЛОВЪ-К-А;
4) $A+A_1+C$	ЧЕЛОБИТИЕ ⁴ : ЧЕЛО-БИТ-ИЕ; ВІНОПИВЬЦЬ: ВІНО-ПИВ-ЬЦЬ;
5) $A+B+C$	ЧИСТОСЪРДИЕ: ЧИСТО-СЪРД-ИЕ; ХУДОРЪКЪ; ХУДО-РЪКЪ;
6) $A+S+B+C$	БРАТОЛЮБИЕ: БРАТ-О-ЛЮБ-ИЕ; САМОЗЕМЬЦЬ: САМ-О-ЗЕМ-ЬЦЬ;
7) $A+B+B+C$	ЗЛАТОГЛАГОЛИВЫИ: ЗЛАТО-ГЛА-ГОЛ-ИВ-ЫИ;
8) A_1+A	РАВЬНОАНГЕЛЬ: РАВЬНО-АНГЕЛЬ;
9) $A_1+S+A+C$	НИЩЕТОУМИЕ: НИЩЕТ-О-УМ-ИЕ;
10) $A_1+S+A+C$	СВѦТОПЪВЬЦЬ: СВѦТ-О ПЪВ-ЬЦЬ; ВОДОНОСЬ: ВОД-О-НОСЬ;
11) $B+S+B+C$	СЪРД-О-БОЛЬ;
12) $B+B\pm C$	ПРАПОРЦЬ: ПРА-ПОР-ЬЦЬ; ГЛАГОЛАТИ: ГЛА-ГОЛ-А-ТИ

¹ Большой свободой обладают сложные образования типа *Царьградъ, Новъгородъ*. Например, в *Повести временных лет* можно встретить: *ко Царюграду, от Царягорода, ко Царюгороду, Царяграда, Новъгородъ, в Новъгородъ, Нову-городу* и т.д.

² Здесь и далее в словообразовательных моделях компонент-слово обозначается A , компонент-основа — A_1 , компонент-корень — B , аффиксы — C , соединительные гласные — S .

³ Иллюстративный материал взят из *Материалов для словаря древнерусского языка* И. И. Срезневского (т. I, II, III и Дополнения, С.-Петербург, 1903—1912). Ссылки на другие источники будут оговорены особо.

⁴ В случае компонентов ЧЕЛО-, ВІНО-, и др. следует предположить наличие компонента-слова, а не компонента-основы + соединительный гласный.

13) C+B+S±C¹ ПРЪЛЮБОДЪИ: ПРЪ-ЛЮБ-О-ДЪИ; ПРЪМИ-ЛОСЪРДЫИ: ПРЪ-МИЛ-О-СЪРД-ЫИ.

Более детальный анализ вышеуказанных моделей позволяет сделать следующие выводы: во-первых, наиболее продуктивны образования, первым компонентом которых выступает слово (САМ-, ЧЕЛО-, ВИНО- и т. д.), этот фактор следует считать закономерным в генетическом отношении — в плане постепенного перехода от сращения (объединения словосочетания в сложное слово) к словосложению (комбинированному, в сравнении с первым, словообразовательному способу), во-вторых, уже древнейшие сложные образования представляют образования комбинированного типа (за исключением модели 8); при образовании структурноцелостного единства используются дополнительные грамматические средства — префиксы, суффиксы, соединительные гласные; в-третьих, сложное слово представляет структурное целое, части которого спаяны грамматически и семантически.

С точки зрения соотносительности компонентов сложного слова с частями речи в древнерусском языке можно выделить следующие продуктивные типы²:

имя существительное+имя существительное: ЧРЪВОБЪСИЕ, ЧУДОСЛОВИЕ;

имя существительное+отглагольное образование: ЧЕЛОВЪКОЛЮБИЕ, СТРАНОВОДИЦА;

имя прилагательное+имя существительное: СВАЩЕНОНАЧАЛИЕ;

имя прилагательное+отглагольное образование: СВАЩЕНОДЪЛАТЕЛЬ, ЖИВОНОСЬНЫЙ;

местоимение +имя существительное: САМОСУДЪ;

местоимение+отглагольное образование: САМОРОДЪНЫИ, САМОУЧЕНЫИ, СВОЕЛЮБЬСТВО;

местоимение+прилагательное: САМОДОВОЛИЕ;

числительное+имя существительное: ОДИНОГНЪЗДИЦА, ДВОВЪРЬЦЬ, ДВОЕЖЕНЫЦЬ;

числительное + числительное: ДВАНАДЕСАТЬ— ДВЪНАДЕ, САТЬ³;

числительное+отглагольное образование: ПОЛЪДЪРЖЬ, ПРВОБЫТЬНЫИ;

наречие+прилагательное: ДОБЛЕМУДРИЕ, МНОГОРАЗЛИЧНЫИ, МНОГОЛУКАВЫИ;

¹ Приведенные модели отражают наиболее продуктивные способы образования сложных слов. Таким образом, они отражают не абсолютно, а относительно картину восточнославянского словосложения с точки зрения вариантов моделей. Считаем, что данный метод является более эффективным в установлении определенных закономерностей в области древнейшего восточнославянского словосложения.

² Имея в виду, что в рамках сложного слова объединяются не только целые словесные единицы, но и усеченные, грамматический анализ компонентов сложения предполагает известную искусственность.

³ Способы образования сложных числительных в древних славянских языках, как известно, имеют свою специфику. Мы не будем касаться деталей этого вопроса, который является предметом отдельного исследования.

наречие+отглагольное образование: БЪРЗОРЪЧИВЫИ, МЪНОГО-ПЪТЫИ;

наречие+существительное: ПОДОБОВРЪДНЫИ, МНОГООБРАЗ-НЫИ.

Таким образом, наиболее употребительны сочетания компонентов, восходящих к различным частям речи.

Степень продуктивности компонентов сложного слова в древнерусском языке неодинакова. Наиболее продуктивными являлись образования, первым компонентом которых выступали *благо-* (более 200) *бог-*, *добро-*, *много-* (более 100), *един-*, *зло-* (около 100), *люб-* (более 40), *злато-*, *рук-* (более 30); *раб-* (около 30), *вод-*, *равно-* (более 20)¹ и т. д. В качестве второго компонента чаще всего использовались отглагольные образования, реже — именные:

-НОС-: БАГРОНОСЬЦЬ, БАГРОНОСИЦА, БАГРОНОСЬНЫИ; ВО-ДОНОСЬЦЬ, ВОДОНОСЬ, ЖИВОНОСЬНЫИ, МИРОНОСИЦА, ОГНЕНОСЬНЫИ, ПОВЪДОНОСИЦА, ПОВЪДОНОСЬНЫИ, БОГОНОСИЦА, ВЪНЬЦЕНОСИЦА, ВЪНЬЦЕНОСЬЦЬ, СВЪ-ТОНОСЬЦЬ, СВЪТЛОНОСЬЦЬ, СВЪЩЕНОНОСИЦА и др.

-ТВОР-: БАСНОТВОРЕНИЕ, БАСНОТВОРЬЦЬ, ДОБРОТВОРИЕ, ЖИВОТВОРИЕ, ЖИВОТВОРИЦА, ЖИВОТВОРЬЦЬ, МИРОТ-ВОРЬЦЬ, ПЛОДОТВОРЕНИЕ, ПЛОДОТВОРНЫИ, ПОБЪ-ДОТВОРЬЦЬ, ПРАВДОТВОРЕНИЕ, ЧАДОТВОРЕНИЕ, ЧУ-ДОТВОРЕНИЕ, и т. д.

-ЛЮБ-: БРАТОЛЮБИЕ, ДЪТОЛЮБИЕ, ДРУГОЛЮБЬЦЬ, ДРУГО-ЛЮБНО, ДРУГОЛЮБИВЫИ, НИЩЕЛЮБИВЫИ, НИЩЕ-ЛЮБЬНЫИ, НИЩЕЛЮБЬЦЬ, НИЩЕТОЛЮБЬЦЬ, ПОБЪ-ДОЛЮБИЕ, КНИГОЛЮБЬЦЬ, ЗЛАТОЛЮБИЕ и др.

-ДАВ-: БОГАТОДАВЬЦЬ, ЖИВОДАВЬЦЬ, МЪЗДОДАВЬЦЬ, ПИЩЕ-ДАВЬЦЬ, ПЛОДОДАВЬЦЬ, ВЪНЬЦЕДАВЬЦЬ, СТРАСТО-ДАВЬЦЬ и т. д.

-ДАТ-: БОГАТОДАТЕЛЬНЫИ, ЖИВОДАТЕЛЬ, МЪЗДОДАТЬЦЬ, СВЪТОДАТЕЛЬ и т. д.

-ДЪИ-: ЛЮБОДЪИ, ЛЮБОДЪИНЫИ, ЛЮБОДЪЯ, МИРОДЪИНЫИ, ЛИХОДЪИ, ЛИЦЕДЪИ и др.

-СЛОВ-: БАСНОСЛОВИЕ, ДВОЕСЛОВЬЦЬ, ДОБРОСЛОВИЕ, ПРАЗЪ-НОСЛОВЬЦЬ, ЛИХОСЛОВЕСИЕ, ЛИХОСЛОВИЕ, СЛОВО-СЛОВИЕ и др.

-ВЪР-: БЛАГОВЪРЬНЫИ, БЛАГОВЪРНО, ДВОВЪРЬЦЬ, ДВО-ВЪРЬСТВО и др.

В особую группу, немногочисленную, следует включить сложные слова, образованные путем удвоения основ или корней, типа: СЛОВО-СЛОВИТИ, ПРАПОРЬЦЬ, ГЛАГОЛАТИ, ГЛАГОЛЬ и им подобные.

¹ См. И. И. Срезневский, *Материалы...* Следует, однако, иметь в виду, что словарь Срезневского не полон с точки зрения регистрации сложных слов. Так, например, из 600 сложных слов, выделенных акад. В. М. Истриным в *Хронике Георгия Амартола*, лишь 290 было известно И. И. Срезневскому и Фр. Миклошичу. См. В. И. ИСТРИН, *Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе*, т. II.

В структурноцелостную единицу компоненты объединялись с помощью соединительных гласных *-о-*, *-е-*; они могли осложняться префиксами и суффиксами: ср. ПРЪ-ЛЮБ-О-ДЪИ, ПРЪ-МИЛ-О-СЪРДЪИ, ЧЛОВЪК-ЛЮБ-ИЕ, СУД-О-ХРАН-ИЛ-О, СЪРД-О-БОЛЬ-СТВ-О, ЗЕМЛ-Е-МЕР-ЬЦЬ и др. Более часты случаи усиления сложных слов с помощью суффиксов, чем с помощью префиксов. Аффиксы вносили в сложное слово дополнительные смысловые оттенки. Например, префикс ПРЪ- усиливал действие, качество сложного слова (см. выше-названные примеры). Суффиксы уточняли и расширяли семантику сложного образования. Продуктивными являлись суффиксы *-ЬЦЬ*, *-НИКЪ*, *-ТЕЛЬ*, *-НИЦА*, *-ИЦ(А)*, употреблявшиеся в наименованиях живых существ мужского и женского рода: ЗВЪЗДОБОРЬЦЬ, ЗЕМЛЕДЪРЬЦЬ; ОБРАЗОЛОМИТЕЛЬ, НИЩЕПИТАТЕЛЬНИЦА, ЗЕМЛИЪРИТЕЛЬ, СВАЩЕНОМУЧЕНИКЪ, СВАЩЕНОНОСИЦА, БОГОРОДИЦА, СТРАНОПРИИМЬНИЦА, ЧАРОДЪИНИЦА; *-НИКЪ*, *-ИЛО*, *-ИЦА*, выступающие в словах, обозначающих предметы: СЪСУДОХРАНИЛЬНИКЪ. СУДОХРАНИЛЬНИЦА, СУДОХРАНИЛО; *-СТВО* *-НИЕ*, *-ИЕ*, *-ОТА* с абстрактным значением: БЛАГОРОДЬСТВО, СЪРДОБОЛЬСТВО, ХЛЪБОКОРМЛЕНИЕ, ТЪНЬКОТВОРЕНИЕ, СЛАВОСЛОВИЕ, РОДОСЛОВИЕ; БЛАГОЛЕПОТА; *-ЕН*, *-(Ь)Н*, *-ИВ*, выступающие в сложных прилагательных: БЛАГОСЛОВЛЕНЬИ, БЛАГОСВѢТЪИИ, БЛАГОРЪЧИВЬИ и т.д.

С точки зрения принадлежности сложных слов той или иной части речи типичными для древнерусского языка являются: сложные существительные, прилагательные, числительные, наречия, глаголы, например: КНИГОЛЮБЬЦЬ, МИМОХОДЬИИ, ДВНАДЕСАТЬ, РАВЪНОРАДОСТЬНО, БЛАГОВЕСТВОВАТИ и др.

Таким образом, словосложение в древнерусском языке характеризуется многообразием структурных моделей.

Некоторые исследователи в рамках сложного слова пытаются установить между компонентами связи, аналогичные тем, которые существуют между словами в словосочетании. Подобный анализ лишен научной обоснованности, с нашей точки зрения, поскольку игнорируется основной фактор — объединение в сложном слове не полных словесных единиц, а усеченных, которые при объединении теряют некоторые грамматические признаки и в то же время обладают большей спаянностью, чем слова в словосочетании. И, наоборот, семантическим отношениям уделялось незаслуженно мало внимания. Процесс трансформации словосочетания в сложное слово был обусловлен, в первую очередь, причинами семантического порядка, тенденцией языка к наибольшей смысловой концентрации в пределах словесной единицы. Нетрудно заметить, что не любое словосочетание переходило в сложное слово. Существует определенная закономерность в подборе словесных единиц. Не случайно, что в древнерусском становятся необычайно продуктивными образования, первой частью которых являлись слова *благо-*, *добро-*, *зло-*, *много-*, *все-* и др., которые вносили в сложное слово элемент оценки или уточнения. Небезинтересно отметить, что в рукописном лексиконе Татищева *Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных*

слов обретающихся в России народов... (первая половина XVIII в.), в котором по указанию автора «содержатся только такие слова, которые в простом народе употребляемы»¹, слова с первым компонентом благо-(29) и зло-(12) наиболее широко представлены. Более 80 сложных образований с благо- зарегистрировано в произведениях А. С. Пушкина².

Носителем основного значения в сложном слове, как правило, является второй компонент, осложненный суффиксом или без суффикса. Первый компонент в смысловом плане подчинен второму; его роль различна. Можно выделить для древнерусского периода следующие типы смысловых связей в пределах сложного слова:

1) первый компонент играет роль усилителя по отношению ко второму: ДОБРОЧЪСТЫНИИ, ДОБРОХВАЛЕНИЕ, БЛАГОЧЪСТНО ЗЪЛОХУЛЬСТВО;

2) первый компонент по своей семантической нагрузке равен второму: ГЛАГОЛАТИ, ГЛАГОЛИВЫИ; СЛОВОСЛОВИЕ, СЛОВОСЛОВЕСИЕ и др.

3) первый компонент является носителем основного значения сложного слова: ДОБРОДЪБИ, ДОБРОДЪТЕЛЬ, ЗЪЛОДЪВАНІЕ, ЗЪЛОМЫСЛЬ, ЗЪЛОУМИЕ, БЛАГОДЪЛИЕ.

Сложные слова в древнерусском языке несли на себе отпечаток книжности. В ходе развития восточнославянских языков сфера их использования, их стилистические функции расширяются: они начинают употребляться в художественной литературе, в деловой речи и научной терминологии. Древнейшие примеры использования сложных слов как средств художественной изобразительности найдем в *Слове о полку Игореве*: ср. ГАЛИЧНЫ ОСМОМЫСЛЕ ЯРОСЛАВЕ! ВЫСОКО СЪДИШИ НА СВОЕМЪ ЗЛАТОВАНАНЕМЪ СТОЛЪ;... В МОЕМЪ ТЕРЕМЕ ЗЛАТОВРЪСЕМЪ.

Правда, в русских повестях XVII века количественный состав сложных слов еще зависит от характера произведений: их больше в произведениях, носящих книжный характер. Ср. в *Новой повести о преславном Российском царстве*³:

«Преже сих дней было, все вы слышали: самое его отцово зложоненное сердце и тайна вся, некто то же душепагубныя бесовские сонмицы, от нашего христеизоименитаго рода злоначальный губитель божияго жребия, — именем по своему его злому делу не достоин его во имя мысленнаго или святаго назвати, но достоин его нареци: злый человекоядный волк, — тому же нашему великому столку и отцем отцу и святителю, имя же его всем вам ведомо, тот душепагубный волк яд свой изтлевал и тайную свою общую яве открыл».

Наоборот, в *Повести о Ерше Ершовиче*, всего два случая использования сложных слов, образованных словосложением: челобитье, в *Новгородской области*⁴, из которых последнее является топонимом.

¹ См. А. П. АВЕРЬЯНОВА, *Рукописный лексикон Татищева*, «Ученые записки ЛГУ», № 197, 1957.

² *Словарь языка Пушкина*, т. I, Москва, 1956.

³ *Русские повести XV века*, Ленинград, 1953, стр. 19—20.

⁴ Там же, стр. 136—139.

Словосложение является столь же продуктивным словообразовательным способом в украинском языке XIV—XVII вв. Памятники украинской письменности этого периода дают богатый материал. Немало сложных слов в произведениях И. Вишенского, в *Лексиконе славеноросском* Памвы Беринды, в произведениях З. Копистенского и других авторов. У И. Вишенского наряду с общепринятыми образованиями типа **МИРО-ЛЮБИЕ**, найдем авторские новообразования **ИДОЛОПОКЛОНЫ**, **СКАЧОМУДРЕЦЬ**, **ГРОШОВЛАДЬТЕЛЬ**, **БОГОЧРЕВЦІ**, **ПИСАРОДРАЧ**, **СКОТОБД**, **ГУСКОБД**, **КУРОБД**, **МЯСОБД**, **ВОЛОБД**, **ЗВЕРОБД**, **СВИНОБД**, **СЛАСТНОБД**, **МАСЛОБД**, **ПИРОГОБД**; **ПЕРИНОСПАЛ**, **МЯКОСПАЛ**, **ПОДУШКОСПАЛ**, **КРОВОПРАГНИТЕЛЬ**, **ПЕРЦОЛЮБЕЦЬ**, **ШАФРАНОЛЮБЕЦЬ** и др.

Ср., например, его послание *Благочестивому господарю Василю*: «Также и мети иноки в доспѣяню на звѣтяжство того чрева мало их есть; тому не дивуйся, авовѣмъ подвиг и борба есть жизнь тая, которое ты не знаешь бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматур, еще еси *кровоѡд*, *мясоед*, *волоѡд*, *скотоѡд*, *звероѡд*, *свиноѡд*, *куроѡд*, *гускоѡд*, *птахоѡд*, *сытоѡд*, *сластноѡд*, *маслоѡд*, *пирогоѡд*, еще еси *периноспал*, *мяккоспал*, *подушкоспал*; еще еси тѣлу угодник, еще еси *тѣлолюбитель*, еще еси *кровопрагнитель*, еще еси *перцолубец*, *шафранолубец*, *имберолубец*, *квездиколубец*, *кминолубец*, *цукролубец* и других брѣдень горько- и сладколубец; еще еси *конфектолубец*, еще еси *чревоѡбѣсник*, еще еси *гортановстек*, еще еси *гортанократель*, еще еси *гортаномудрецъ*, еще еси дѣтина, еще еси младенец, еще еси *млекопій*»¹.

Сложные слова восточнославянского происхождения зарегистрированы в *Лексиконе* Памвы Беринды: **КРАСНОМОВЦА**, **СѢНОЖАТЬ**, **СПОЛЬТОВАРИСТВО**, **ПЛОСКОНОСЫЙ**, **ТИХОМИРЕНЬ** и т. д.²

З. Копистенский употребляет **КРОВОПРОЛИТСВО**, **КРОВОПРОЛИТЬЕ**, **РУКОПОЛОЖЕНИЕ**, **ЗАКОНОДАВЕЦЬ**, **СТРАСТОТЕРПЦА**, **ОБРАЗОВОРЦЫ**, **ДУХОБОРЦЫ** и др.

И если с точки зрения лексико-семантической целый ряд вышеназванных образований является новым, то в структурном плане они повторяют древние словообразовательные модели.

Многие сложные слова древнейшей поры встречаются в словарном составе восточнославянских языков позднейшего времени. Они становятся принадлежностью не только книжной, но и народно-разговорной речи.

Так, *Лексикон*, сочиненный для приписывания иноязычных слов, обретающихся в России народов... Татищева регистрирует около 250 сложных слов (из общего количества 4932), среди которых первым компонентом сложения выступают: *благо-*: **БЛАГОДАТЕЛЬ**, **БЛАГОСЛОВИТИ**, **БЛАГОДАРИТИ**, **БЛАГОВОЛЕНИЕ**, **БЛАГОВОНІЕ**,

¹ *Хрестоматія давньої української літератури*, Київ, 1952, стр. 116.

² *Лексіконъ славеноросскій и именъ тѣлкованіе*, 1627; см. также *Лексикон славеноросскій* Памви Беринди, Київ, 1961.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ; *бог-*: БОГОБОЯЗНЕННО, БОГОДЕЛНЯ, БОГОМОЛЕЦЬ; *брат-*: БРАТОЛЮБИЕ, БРАТОЛЮБИВЫЙ, БРАТОУБИЙЦА; *велико-*: ВЕЛИКОДУШИЕ, ВЕЛИКОДУШНЫЙ; *все-*: ВСЕВЕДЕНИЕ, ВСЕВЕДЕЦЬ, ВСЕВЕДУЩИЙ, ВСЕДНЕВНО; *долго-*: ДОЛГОВЕЧНО, ДОЛГОПАМЯТНЫЙ; *душе-*: ДУШЕВРЕДСТВО, ДУШЕВРЕДНИЧАТИ, ДУШЕГУБСТВО; *зло-*: ЗЛОДЕЙ, ЗЛОДЕЙСТВО, ЗЛОНРАВНЫЙ, ЗЛОРАДЬЕ; *косо-*: КОСОРУКИЙ, КОСОЛАПЫЙ, КОСОНОГИЙ и др.

Небезинтересно также отметить, что большая часть сложных слов, отраженных в древних «Лексиконах», попала в современные словари. Было установлено¹, что из 220 первых частей сложения, приводимых Ф. П. Поликарповым в *Лексиконе трехязычном* (1704), 168 даны в *Толковом словаре русского языка* Д. Н. Ушакова. Многочисленны случаи употребления древних вторых компонентов сложения в современных восточнославянских языках: ср. русск. *свободолубивый*, бел. *свабодалюбывы*, укр. *самолуб*; русск. *водонос*, укр. *водонос*, бел. *ваданос* и др. Унаследованы и дополнительные грамматические средства словосложения — соединительные гласные, суффиксы: ср. русск. *вольнодумец*, бел. *вальнадумец*; русск. *многогранность*, укр. *багатогранність*, бел. *многограннасць* и т. д.

Следовательно, в области словосложения в современных восточнославянских языках наблюдается определенная преемственность, стабильность словообразовательных средств. Как и в древности, словосложение продолжает быть продуктивным словообразовательным способом. Активно пополняется сложными словами терминологический словарь восточнославянских языков, расширяется сфера их использования.

Однако, восточнославянское словосложение подверглось и некоторым изменениям. Происходит определенная перегруппировка структурных элементов в рамках моделей словосложения. В качестве первого компонента сложения теперь в подавляющем большинстве случаев выступает основа; второй компонент характеризуется структурной вариантностью: компонент-слово, корень суффиксированная морфема².

Таким образом, для современных восточнославянских языков типичной становится модель:

$$A_1 + S + A \\ B$$

Д, где Д условно обозначим суффиксированную морфему: ср. русск. *голов-о-лом-к-а*; бел. *галав-а-лом-ка*; укр. *голов-о-лом-ка*; русск. *вод-о-воз*, укр. *вод-о-воз*; бел. *вад-а-воз*; русск. *книг-о-издатель*; бел. *кніг-а-выдавец*; укр. *книг-о-видавець* и др. Второй компонент сложения типа *вод-*, *нос-*, *воз-*, *-образный*, *-вед*, *-вод*, *-ведение*, *-водство* и др. приобретает более обобщенный, в сравнении с древнерусским, характер, сближаясь в этом плане с суффиксом. Однако, в отличие от суффикса суффиксированная морфема обладает семантическим

¹ В. И. ПОНОМАРЕВ, *К истории сложных слов в русском языке*, стр. 47.

² По терминологии академика В. В. Виноградова, см. *Русский язык*, Москва, 1947, стр. 122.

признаком, соотносимым с корнем. Двойная природа этого элемента словосложения как нельзя лучше отвечает возрастающим потребностям в области создания новых слов.

Модель с суффиксированным элементом получает все большее распространение в современных восточнославянских языках. О количественном росте сложных слов с этим словоэлементом можно судить хотя бы по такому факту. Так, в начале XIX века словари русского языка регистрировали лишь 6 случаев употребления сложных слов с компонентами *-ведение*, и *-водство* (см. «Словарь Академии Российской», 1806—1822), в современном русском языке их 155¹.

Степень продуктивности отдельных суффиксированных морфем в восточнославянских языках не одинакова; ср. русск. язык-о-вед; бел. мов-а-вед, мова-знав-ец, мов-а-знаў-ц-а; укр. мов-о-знав-ець или русск. вод-о-нос, вод-о-воз, укр. вод-о-нос, вод-о-воз; дров-о-воз; дров-о-нос; бомб-о-воз; бел. вад-а-нос, вад-а-воз, бамб-а-воз; русск. свекл-о-вод; укр. буряк-о-вод, бел. бурак-а-вод и др. Имеющиеся расхождения касаются не сущности словообразовательного процесса, а лишь его деталей.

Принципы структурно-семантических связей в рамках словосложения в восточнославянских языках совпадают. Это объясняется в первую очередь тем, что восточнославянские языки сравнительно недавно выделились из языка-основы. Во-вторых—унификации словообразовательных моделей способствовал в значительной мере фактор взаимовлияния. Особенно сильным в области словообразования было влияние со стороны русского языка².

Словосложение и в современных восточнославянских языках является комбинированным способом объединения в словесную единицу отдельных словесных элементов-синтаксико-морфологическим словообразовательным способом. Комбинированным его следует назвать и с точки зрения структурных компонентов. Компоненты словосложения не являются ни основами и ни словами, как отмечалось выше. Поэтому и термин словосложение или основосложение, принятый в современном языкознании, является условным.

¹ Н. Д. АНДРЕЕВ, *Термины типа «лесоводство», «лесоведение»* ДиСИЯ, № 4, 1954.

² См. М. Г. БУЛАХАЎ, *Развіццё беларускай літаратурнай мовы у XIX—XX ст.ст. ва ўзаемаадносінах з іншымі славянскімі мовамі*, Мінск, 1958; І. І. КОВАЛИК, *Вчення про словотвір*, Львів, 1958.